

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.14

Правильная ссылка на статью:

Голева М. А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 239—260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.14>.

For citation:

Goleva M. A. (2019) Social Meaning of Time in a Family with Children (a Case Study of Large Families). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 239—260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.14>.

М. А. Голева

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ В СЕМЬЕ С ДЕТЬМИ (НА ПРИМЕРЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ)

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ В СЕМЬЕ С ДЕТЬМИ (НА ПРИМЕРЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ)

SOCIAL MEANING OF TIME IN A FAMILY WITH CHILDREN (A CASE STUDY OF LARGE FAMILIES)

ГОЛЕВА Мария Александровна — младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: m.goleva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9321-7791>

Mariia A. GOLEVA¹ — Junior Research Fellow, “Sociology of Religion” Research Laboratory
E-MAIL: m.goleva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9321-7791>

¹ St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

Аннотация. Значительная часть существующих исследований о времени выполнена в «ресурсной» логике: время понимается как ограниченный ресурс, который может быть распределён между разными видами деятельности. В рамках данной работы предпринимается попытка рассмотрения

Abstract. A considerable portion of studies devoted to time is conducted in terms of the “resource” logics: time is perceived as a limited resource which can be allocated to different activities. In this paper the author attempts to examine an alternative approach to study time: time is defined by its social meanings. The ar-

альтернативного подхода к изучению времени: время будет определяться через его социальные значения. Статья базируется на анализе глубинных интервью с многодетными родителями, собранными в Москве, Архангельске и Владимире. Фокусирование на таком объекте исследования обуславливается спецификой семейной жизни: именно в семьях с детьми обостряется вопрос о балансе жизни и работы ввиду потребности в поиске равновесия интересов разных членов семьи. Анализ данных позволяет выделить три типа социального времени в семье (институциональное, гендерное, межличностное), а также выявить категорию «дискурс о времени». Институциональное время — это изменение темпоральности семьи под воздействием внешних факторов. К ним относятся режим работы общественных институтов и этические нормы. Гендерное время проясняет различия между мужским и женским временем в семье, при этом разная «количественная» вовлеченность мужчин и женщин в домашние дела не означает содержательную разницу в распределении обязанностей. Межличностное время — совокупность способов организации времени для обеспечения межличностного взаимодействия в семье. Иначе говоря, создание условий для совместного семейного времяпрепровождения (семейное время), общения родителей без детей (время родителей) и с каждым ребёнком в отдельности (индивидуальное детское время), а также возможность для занятия своими делами и увлечениями (время на себя). Категория «дискурс о времени» отражает, как и что люди говорят о времени. Для многодетной семьи значимым является планирование, в том числе

title is based on an analysis of in-depth interviews with parents from large families carried out in Moscow, Archangelsk and Vladimir. The focus of the study is determined by the family life specifics: families with children especially suffer from poor work-life balance as each family member is in search of an equilibrium of interests. Based on the data analysis the author singles out three types of social time in the family (institutional, gender and interpersonal time) and a concept of “discourse of time”. Institutional time refers to a change in family temporality influenced by external factors. These factors involve the work of public institutions and ethical norms. Gender time is related to male and female differences within the family, taking into account that the quantitative involvement of men and women in household activities does not imply qualitative differences. Interpersonal time is a summary of ways to organize time in order to establish interpersonal communication within the family, in other words, to create an environment for joint pastime (family time), communication between parents without children (parental time) and with each child separately (child’s individual time), and self-time. The discourse of time concept reflects how and what people tell about time. Many large families prioritize planning, often as a way to find time for interpersonal communication. The obtained results give credibility to the possibility of considering family life in terms of social meanings of time.

и для высвобождения межличностного времени. Полученные результаты позволяют обосновать возможность рассмотрения семейной жизни в категориях социальных значений времени.

Ключевые слова: время в семье, многодетные семьи, множественное время, баланс жизни и работы, социальное время

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10089). Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Keywords: family time, large families, multiple times, work-life balance, social time

Acknowledgments. The study is funded by Russian Science Foundation (project no. 18-78-10089). The project is implemented by St. Tikhon's Orthodox University.

*Самое страшное, братья, — это время.
Время. Мгновение, которое мы переживаем
и которым все-таки никогда не владеем.*
Э. М. Ремарк. Три товарища

Введение

В рамках данной работы предпринимается попытка расширения доминирующей логики интерпретации времени в исследованиях семьи как ресурса и универсальной системы измерения¹. По аналогии с работами В. Зелизер о социальном значении денег [Зелизер, 2002; 2004] можно говорить о социальной множественности времени. Предполагается, что и деньги, и время обладают рядом общих свойств, в частности, универсальностью, то есть могут быть использованы в качестве безличных единиц измерения или интерпретированы как ресурсы. Время и деньги также являются социальными конструктами, позволяющими координировать жизнь общества [Hallpike, 2011]. Такая трактовка времени представлена в ряде социологических и антропологических исследований, в которых указывается, что время может быть цикличным, природным (смена времен года) или линейным, движущимся в сторону прогресса и развития, биологически нерегулируемым (рождение, смерть) [Брайсон, 2011]. Подход ко времени определяется историческим и культурным контекстами (отношение ко времени в обществах разных эпох, типов, с разными доминирующими религиями различается) [Balkenhol, 2012]. При этом наравне с доминирующим представлением о часовом времени (clock-time) могут быть рассмотрены инди-

¹ Трактовку времени как ресурса можно найти во многих работах, в том числе: [Веcker, 1965; Гершуни, 2000; Брайсон, 2011; Артёмов, 2003; Барсукова, Радаев, 2000; Патрушев, 1998; Barker, 1999; Малкова, Рощина, 2011].

видуальное, семейное и экономическое время; социальное измерение времени, личные и семейные жизненные циклы [Adam, 1990].

Предполагается на примере многодетных семей рассмотреть процесс формирования общего графика семейной жизни с учетом не столько количественных, сколько качественных показателей, говорить не о «распределении» (allocation) времени [Becker, 1965] и его стоимости [Schultz, 1986], но о его содержании, о видах времени и их социальном значении в семье. Цель исследования заключается в выявлении способов социальной дифференциации времени в семье (на примере многодетных семей). Выбор в качестве объекта родителей, имеющих не менее трех детей, обуславливается следующим. Семейная жизнь является сферой, в которой обостряются потребности поиска баланса между жизнью и работой в силу социального давления [Southerton, 2007; Исупова, Уткина 2016; Борисова, 2017; Сон, Чернова, 2018], а также необходимости согласования интересов членов семьи. При этом, согласно Дж. Боссарду [Bossard, 1945], с появлением каждого следующего ребенка количество социальных связей между членами семьи резко увеличивается, соответственно, растет также и количество интересов, которые нужно согласовывать. Кроме того, наличие детей в семье, особенно маленьких, рассматривается в работах, выполненных в «ресурсной» логике, в качестве фактора, снижающего занятость женщин на рынке труда и увеличивающего количество времени, затрачиваемого обоими супругами на неоплачиваемую работу [Addabbo, 2012; Hunt, Kiker 1981]. Таким образом, вопросы, связанные со временем, с которыми сталкиваются все семьи с детьми, проявляются ярче именно в больших семьях.

В первой части работы кратко описаны ключевые способы концептуализации времени в социологии. Во второй части представлены результаты анализа эмпирических данных: определены типы времени и значения, которыми информанты наделяют время в семье.

Теоретическая основа исследования

Исследования времени в социальных науках имеют почти вековую историю; за этот период произошло развитие как теоретических, так и эмпирических исследований о времени [Патрушев, Артёмов, Новохацкая, 2001; Артёмов, 2003; 2013]. Можно выделить два основных подхода к концептуализации времени в эмпирических исследованиях: время как ресурс (используется в исследованиях бюджетов времени и распределения труда в семье) и множественные значения социального времени (набор концепций, подчеркивающих разные смысловые значения времени). Кроме того, в некоторых работах предпринимается попытка синтеза названных подходов [Hareven 1977]. Данный подраздел посвящен выявлению основных способов концептуализации времени в исследованиях в целом и связанных с аспектами семейной жизни в частности.

Время как ресурс

Интерпретация времени как ресурса связана с развитием часов как механизма: несмотря на то, что до их изобретения в XIII веке существовали солнечные и песочные часы, именно механические часы позволили измерять время точно

и, соответственно, говорить о времени как отдельном, независимом от человека феномене [Брайсон, 2011: 40—41]. Таким образом, «часы стали основой для коммерциализации времени как неконтекстуального ресурса» [там же], что способствовало сдвигу в темпоральной культуре, а позднее — формированию экономического взгляда «время — деньги» [там же]. Развитие идей К. Маркса, капиталистическая логика организации рабочего времени и фабричных форм производства, оплата не конкретных результатов работы, но длительности рабочего времени, стремление работодателей к максимизации прибыли способствовали формированию современного дискурса о времени, в частности, балансе рабочего (по К. Марксу, «отчужденного») и свободного (потребление и досуг) времени [там же].

С. Ю. Барсукова и В. В. Радаев отмечают, что понимание времени как ресурса позволяет представить время в качестве универсального измерителя всех видов человеческой деятельности, поскольку любая активность требует его затрат [Барсукова, Радаев, 2000]. В прикладных исследованиях данная интерпретация наиболее часто встречается при изучении бюджетов времени разных групп населения [Артёмов, 2003; Патрушев, 1998; Барсукова, Радаев, 2000] или при рассмотрении вопросов о гендерном (не)равенстве [Barker, 1999; Беккер, 2003; Малкова, Рощина, 2010; Ибрагимова, 2016].

Социальное время и его значения

Идея о социальной природе времени впервые появилась в работах Э. Дюркгейма [Брайсон, 2011: 38; Сорокин, Мертон, 2004: 115]; далее они были развиты П. Сорокиным и Р. Мертоном [Артёмов, 2007: 130—131]. Согласно социологам, называть время «социальным» можно тогда, когда оно измеряется относительно социальных процессов, действий и достижений; такое время «отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки» [Сорокин, Мертон, 2004: 114]. Социальное время обладает качественными свойствами, значениями, получаемыми им за счет определенных действий: «выходные дни, дни исполнения определенных гражданских функций, “счастливые” и “несчастливые” дни, религиозные дни» [Сорокин, Мертон, 2004: 114].

Значения социального времени

В качестве второго подхода к концептуализации времени в работах социологов и антропологов можно выделить «значения социального времени». Говорить о наличии унифицированной типологии времени в рамках данного направления затруднительно, поскольку исследователи предлагают разные способы классификации. Тем не менее представляется возможным объединить их в одно направление, поскольку общим для них является стремление к комплексному анализу социальной реальности в категориях времени, а также ряд близких тезисов о множественности значений времени.

Во-первых, авторы данного направления занимаются изучением социального времени. Так, Дж. Д. Люис и А. Дж. Вейгерт считают, что рассмотрение времени позволит представить социальное время как еще один способ проявления

смыслов, значений, конструируемых людьми в процессе взаимодействия под воздействием физических, биологических и институциональных ограничений [Lewis, Weigert 1981: 450]. Говоря о времени, они проводят различие физического и социального времени, понимая под вторым, вслед за П. Сорокиным и Р. Мертоном, время, для которого единицами измерения выступают не объективные показатели (часы, годы), но социальные события («после игры», «до свадьбы»), за счет чего происходит «очеловечивание» времени [Lewis, Weigert 1981: 433]. В отличие от физического, у социального времени может меняться ритм и темп (оно может идти быстрее или медленнее, а также прерываться, например, праздниками) [Lewis, Weigert 1981: 433]. К. Дж. Дэйли также трактует время как социальный конструкт, понимание которого возможно через изучение практик его использования индивидами [Daly, 1996: 467].

Во-вторых, множественность значений времени проявляется в том, что при разработке типологий исследователи учитывают *временные различия уровней социальной структуры* [Lewis, Weigert 1981: 450; Daly, 1996: 468]. Так, по К. Дж. Дэйли, часы, календари, нормы, фиксирующие ритмы и графики жизни людей, создают единую объективную систему измерения времени, позволяющую регулировать жизнь общества за счет властных отношений [Daly, 1996: 468]. При обращении к семье и ее организации оказывается, что члены семьи вынуждены балансировать между ритмами и требованиями внешних институтов (в первую очередь к ним относится график работы) и потребностями семьи [Daly, 1996: 468]. В упомянутой ранее статье Дж. Д. Люис и А. Дж. Вейгерт различают индивидуальный, групповой и культурный уровни времени [Lewis, Weigert, 1981: 434]. По мнению исследователей, индивидуальному уровню соответствует *индивидуальное время*, «свое время» (self time; время, мгновенно появляющееся в опыте отдельного индивида, поскольку «без разумного существа различие прошлого, настоящего и будущего было бы невозможно» [Lewis, Weigert, 1981: 435]), групповому — *время взаимодействия* (interaction time; образуется при контакте «индивидуальных времен», то есть при общении людей, и задается как поведением и статусом каждого из участников, так и существующими нормами общения [Lewis, Weigert, 1981: 436]) и *институциональное время* (institutional time; темпоральные рамки, создаваемые общественными институтами и организациями, их распорядком функционирования), культурному — *циклическое время* (cyclic time; такие «единицы измерения», как дни, недели, годы, являются, согласно Дж. Д. Люису и А. Дж. Вейгерту, социальными понятиями [Lewis, Weigert, 1981: 438]). При этом индивидуальное время и время взаимодействия относятся к микроуровню социальных взаимодействий, а институциональное и циклическое время — к макроуровню [Lewis, Weigert, 1981: 434]. Схожие тезисы выдвигает в своей статье Дж. М. Мэйхер с соавторами. По их мнению, график жизни отдельной семьи определяется политическими условиями и восприятием социальной политики государства, гендерными возможностями на рынке труда, представлениями родителей о должном уходе за ребенком, режимом работы общественных учреждений [Maher et. Al., 2008]. Иными словами, темпоральность отдельной семьи формируется под воздействием факторов макро-, мезо- и микроуровней социальной структуры.

В-третьих, исследователи социального времени использовали *понятия и концепты, отражающие разные смысловые значения времени*. Речь может идти об иерархии временных перспектив; о времени как показателе социальной иерархии (пациент ждет приема у врача, а подчиненный — возможности переговорить с руководителем) [Lewis, Weigert, 1981: 449] и структуры властных отношений; [Daly, 1996: 468] о таких свойствах времени, как темп (интенсивность), последовательность и периодичность [Fine, 1996; Southerton, 2006]. Далее будут подробнее рассмотрены наиболее значимые для данного исследования понятия.

Дискурс о времени (discourse of time) — это то, как люди говорят о времени; иными словами, язык понимается как основа, поддерживающая и задающая социальную организацию жизни [Daly, 1996: 467]. Согласно К. Дж. Дэйли, слова отражают идеи, мысли и смыслы информантов об их семейной жизни, времени в семье и своих обязанностях, а также их идеализированные представления о том, «как должно» быть устроено время в семье [ibidem]. Иными словами, то, как люди говорят о времени и какие слова используют, отражает не только их индивидуальные ценности, но и воздействие общественных институтов [ibidem].

Темпоральная укорененность (time embeddedness) — включенность индивидуального времени и времени взаимодействия в более широкие темпоральные перспективы. Д. Люис и А. Дж. Вейгерт, используя данное понятие, подразумевают, что люди соотносят свой способ структурирования времени с заданными извне требованиями (например, выполняют действия быстро, стремясь успеть на работу к определенному времени) [Lewis, Weigert, 1981: 437].

Л. Беар также пишет о воздействии социальных норм на индивидуальное время. Исследователь называет такое влияние «**этикой времени**» (ethics of time), подразумевая совокупность нормативных предписаний, которыми обуславливаются представления людей о прошлом и будущем, о том, какие действия и в какое время должны быть или могут быть выполнены [Bear, 2016: 494]. Описание времени в контексте этики отражает его символическое значение, за счет которого темпоральная этика [Bear, 2016: 496], социальные нормы упорядочивают действия людей и придают им смыслы. В качестве примера таких норм, задающих определенный временной порядок, Л. Беар называет религиозные и семейные (родственные) представления о времени [Bear, 2016: 494], формирующиеся за счет специфических этических правил и иерархии социальных статусов.

Синхронность (synchronicity) — потребность согласования индивидуальных времен, которая проявляется при взаимодействии на групповом уровне [Lewis, Weigert, 1981: 438]. Так, членам семьи, темпорально укорененным в разных временных контекстах, требуется достижение общей временной согласованности, консенсуса для полноценной реализации их социальных ролей [Lewis, Weigert, 1981: 438]. Примечательно, что в работе Д. Сотертон [Southerton, 2006], базирующейся на классификации измерений времени Г. Файн [Fine, 1996], используется понятие «синхронизация» (synchronization), означающее «качество» времени: досуг мужчин в большей степени является «чистым», в то время как в свое свободное время женщины занимаются с детьми, решают бытовые вопросы — иными словами, синхронизируют несколько видов деятельности.

С учетом проведенного обзора в рамках данной работы предполагается сфокусироваться на понимании времени как «множественного», социально дифференцируемого. Обоснованность такого взгляда подтверждается при обращении к работам по социологии и антропологии времени, в которых время трактуется как социальное, множественное. В частности, Б. Адам подчеркивает, что, несмотря на различия в интерпретациях времени у разных исследователей, их объединяют три предпосылки: 1) время является ключевой категорией для социальных наук, 2) несмотря на это, существующие попытки его понимания недостаточны; 3) при этом следует говорить не просто о темпоральности, но о социальном времени [Adam, 1990: 13—14].

Обзор также позволяет обозначить ряд аспектов, которые могут быть значимы при анализе интервью с многодетными родителями, а именно: согласование и рас-согласование времени в семье, смыслы, которыми наделяются разные способы организации времени, воздействие общественных институтов на время семьи, мужское и женское время в семье.

Источники эмпирических данных

В качестве эмпирического материала используются 17 глубинных интервью с многодетными родителями (длительность интервью в среднем составляла 1—1,5 часа):² по пять интервью с религиозными и нерелигиозными женщинами, пять — с религиозными мужчинами и два — с нерелигиозными (среди информантов не было супругов из одной семьи). Такая структура выборки объясняется, во-первых, тем, что гендерные различия в организации времени могут влиять на представления мужчин и женщин о времени в семье [Barker, 1999; Беккер, 2003; Малкова, Рощина, 2011; Ибрагимова, 2016], поэтому были рассмотрены интервью как с матерями, так и с отцами. Во-вторых, предположением о различии темпоральных ритмов и приписываемых им значений религиозными и нерелигиозными родителями [Westoff, Jones 1979; Mosher, Hendershot 1984; Lehrer 1996; Мелкумян 2018]. Критерием для различения религиозных и нерелигиозных информантов в данном случае выступало наличие или отсутствие в интервью указаний на регулярное осуществление религиозных практик (посещение служб, чтение молитв). Следует отметить, что аналогичные индикаторы используются в количественных исследованиях: практикующих православных определяют по частоте посещения храмов или по частоте исповеди и причастия [Маркин, 2018: 277]. Информанты также различались по уровню образования (среднее специальное, высшее, два-три высших, ученая степень), количеству детей (от трех до девяти) и возрасту (от 32 до 60 лет). Интервью были проведены в Москве, Владимире и Архангельске. Выбор городов, различающихся по уровню социально-

² Массив данных «Глубинные интервью с родителями в многодетных семьях (2016)», состоящий из 50 интервью, был собран сотрудниками научной лаборатории «Социология религии» при реализации проекта «Рождаемость и социальные сети поддержки: исследование факторов создания многодетной семьи» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. Сбор интервью осуществлялся в период с января по март 2016 г. Для сбора интервью в Архангельске и Владимире были организованы поездки исследовательских групп из трех человек. Для всех интервью готовились аудиозапись и расшифровка интервью. Для данной работы была составлена подвыборка из 17 интервью по приведенным в тексте критериям.

экономического развития³, с невысокой долей многодетных семей по сравнению с городами южной части страны [Прокофьева, Куприянова, 2009], обусловлен стремлением выявить различия в устройстве жизни городских многодетных семей. Таблица с более подробным описанием характеристик информантов представлена в *Приложении*.

Гайд интервью включал вопросы об организации времени, но ими не исчерпывался: информантам были заданы вопросы об их биографии, а также о том, как проходит у них обычный рабочий и выходной день, о распределении обязанностей в семье. Для достижения цели исследования представляется возможным анализ именно таких данных. Если бы интервью были сфокусированы исключительно на вопросах об организации жизни семьи, то на основании ответов респондентов можно было бы выявить только узкий спектр значений времени; имеющиеся же данные позволяют прояснить также контекст ситуации, получить более полное представление о семейной жизни.

Доступ к данным осуществлялся через несколько точек входа в поле: ассоциации многодетных семей в городах проведения опроса, церковные и приходские общины, связи многодетных семей, принявших участие в опросе (снежный ком). Такая стратегия поиска информантов обуславливается стремлением минимизировать смещения, которые могли бы возникнуть при использовании одной точки входа.

Результаты исследования

С учетом теоретического обзора и проведенного анализа данных были выделены следующие значения времени в семье: институциональное, гендерное и межличностное, а также категория «дискурс о времени».

Институциональное время

Институциональное время (темпоральная укорененность) — это включенность индивидуальных расписаний в более широкие временные перспективы [Lewis, Weigert, 1981], встраивание индивидуального времени в график, задаваемый внешними условиями: существующие карьерные и биографические схемы, график работы, распорядок общественных учреждений [Нестик, 2003: 17]. Можно выделить два направления влияния институционального времени на семейную темпоральность: необходимость взаимодействия с общественными институтами и влияние этических норм.

Время семьи и общественные институты

Распределение времени в семье не только задается родителями и детьми, но также является результатом воздействия общественных институтов и орга-

³ Сопоставление данных за 2015 г. показало, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Москве (64,3 тыс. руб.) превышала аналогичный показатель в Архангельске (40,3 тыс. руб.) и Владимире (29,3 тыс. руб.); в последнем, в отличие от двух других городов, наблюдалась естественная убыль населения, в то время как миграционный прирост населения разной степени присутствовал во всех городах. См.: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов — 2016. Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/Main.htm (дата обращения 25.04.2019).

низаций. Их регламент формирует график жизни семьи, особенно многодетной: у родителей возникает необходимость обеспечить посещение детьми разного возраста образовательных учреждений, встретить их, подготовить к дальнейшим занятиям (сделать уроки, отвести на кружки). В силу этого описание повседневной деятельности выстраиваются через привязку к режиму работы образовательных учреждений. Распорядок семьи также зависит от типа занятости родителей и их режима работы. Однако анализ интервью позволяет утверждать, что принятие решения о (не)выходе на работу супруга/супруги может быть также результатом переосмысления своего графика и, соответственно, перестройки времени в соответствии с ценностными установками и их изменением. Альтернативным решением (не)выходу на работу может быть неполная занятость или ненормированный рабочий день, позволяющий родителям корректировать свой график с учетом необходимости обеспечения присмотра за детьми.

Этика времени

Этика времени (по Л. Беар) — проявление воздействия общественных институтов на индивидуальное время, однако в данном случае речь идет о влиянии религиозных правил и предписаний, формирующих ритмы семейной жизни [Beар, 2016: 494]. Например, разница в темпоральных ритмах религиозных и религиозных многодетных семей проявляется в следовании разным календарям: светские и религиозные праздники приходятся на разные дни, а религиозные предписания, например, посты, требуют более сдержанного поведения. В приведенном фрагменте из интервью мать троих детей описывает, что интенсивность их общения с нерелигиозными друзьями постепенно сократилось не только из-за разницы в интересах, но также из-за разного уклада жизни, несовпадения графиков.

*«Дело в том, что **немножко уклад жизни разный**. Это и праздники православные, и светские, порой они приходятся — те, кто светские праздники, на пост, и мы их не отмечаем. И так же, наоборот, не все отмечают православные праздники. Потом, не каждый посещает какие-то службы, ну и потом как-то люди гуляют — придут вечером и все отрываются. Или в субботу самый разгар гулянок и пьянок, а у православных наоборот. То есть суббота — это вообще закрытый день, потому что в субботу вечерняя служба, а завтра воскресная служба» (ж., 37 лет, 3 ребенка.)*

Этический выбор проявляется также при оценивании значения семьи: несмотря на необходимость значительных инвестиций (в ресурсной логике), информанты называют большую семью высшей ценностью и смыслом жизни, пространством для личностного роста, способа самореализации, а для религиозных людей семья — это еще и «личное спасение». Иными словами, в последнем случае время выступает как понятие макроуровня и приобретает дополнительное онтологическое значение, возвышенный смысл.

*«Конечно, это **счастье — трое детей, это ж замечательно!** <...> Здорово, весело с ними, они хорошие. Я же еще раз говорю, **смысл жизни в этом**» (м., 44 года, 3 ребенка).*

*«Хотя мне не очень ловко выражаться такими громкими словами. Ну, не серьезно, кто-то бизнес-вумен там, кто-то рвется, карьера, еще что-то там. А в итоге пустота очень часто. **А дети — это вечность**, скажем так» (ж., 40 года, 3 ребенка).*

Представленные наблюдения могут быть рассмотрены как иллюстрация тезиса Л. Беар о регулирующей функции общественных институтов, согласно которому они формируют политическую, экономическую, бюрократическую темпоральности, составляющие время современности (данные вопросы рассматривались также К. Марксом, М. Вебером, У. Беком) [Beар, 2014: 7]. С точки зрения Л. Беар, институты играют роль медиаторов, способствуют согласованию разных темпоральных представлений, техник и ритмов. Пример многодетных семей, с одной стороны, подтверждает данное утверждение, а с другой — опровергает. Родители согласуют темпоральные режимы семьи с графиком общественных институтов, однако подобное «встраивание» нередко описывается информантами как нежелательные рамки, предписывающие определенное времяпрепровождение (например, то, что отец приходит поздно с работы, или необходимость проводить много времени в очередях для получения льгот).

Гендерное время

Несмотря на то, что в многодетных семьях распределение обязанностей и домашнего труда не носит ярко выраженную гендерную принадлежность, поскольку домашние обязанности (приготовление пищи, уборка, помощь детям с выполнением домашних заданий и так далее) выполняются супругами совместно, можно говорить о существовании мужского и женского времени в семье. Они различаются по ценности и равномерности: мужское время в семье непостоянно в силу профессиональной занятости отцов (из всех опрошенных женщин только одна работала в режиме полной занятости). Так, возвращение отца с работы вечером является событием, которое члены семьи ждут, а приезд папы в выходные дни летом на дачу описывается как праздник, наделяется особой значимостью. Если матери не работают или устроены на гибкий график, или оформили семейный детский сад, то они большую часть дня находятся дома, «все время с детьми» (М., 36 лет, 7 детей), а все члены семьи воспринимают их постоянное присутствие как естественное состояние. В силу подобной «естественности» женское время приобретает свойство «невидимости» как для детей, так и для мужчин. Например, мать троих детей рассказывала, что когда ее муж вследствие потери работы на некоторое время оказался вовлечен в домашнюю жизнь в течение всех дней недели, его представления о ее времяпрепровождении сильно изменились.

*«А потом... ну, он видит, когда с работой распрощался... после первой же недели дома он совершенно обалдел. То есть для него это было как: вот он на работу ушел, он пришел. Дети спят уже. Они вроде бы уроки сделали, все накормлены, одежда что-то там постирано, поглажено, то-се. То есть вот **этой всей беготни, которая в процессе (...) эти дела, они со стороны-то не видны**» (ж., 44 года, 3 ребенка).*

Кроме того, «постоянность» женского времени проявляется в его цикличности и согласованности с режимом жизни детей: матери говорят о непрерывности процесса заботы о детях, присмотра за ними. Мужчинами же виды деятельности «по воспитанию, по сопровождению» (М., 44 года, 3 ребенка) детей расцениваются как прерывание, фрагментация их индивидуального времени.

«В воскресенье — там, опять-таки, с утра репетиторы, в субботу у среднего репетитор, а потом в субботу еще, кстати, в музыкальную школу младшую нужно везти, то есть,

там время так разбивается, что, в общем-то, больше ни на что не остается» (м., 40 лет, 3 ребенка).

Организацию времени в семье можно представить в ресурсной логике: поскольку матери больше времени проводят с детьми, противопоставляется мужское и женское время, формируются их ценности в зависимости от количества [Малкова, Рощина, 2010]. Однако «ценность» может означать и «значимость, качество»: при таком подходе «время с супругом» может цениться выше, чем «время с подругами». Значение времени также может осмысляться респондентами в терминах цели: отец троих детей различает «время для детей» и «время на быт»:

*«Математикой, если время есть, я с удовольствием с ним, конечно, задачи решаю, подсказываю. Но, **опять же, время — когда? Очень мало времени у меня для них, только выходные, и то получается быт там какой-то, то-се, съедает. А в будни я прихожу — уже пора купаться, ужинать и спать. Там не до занятий, к сожалению»** (м., 44 года, 3 ребенка).*

Межличностное время

Межличностное время отражает необходимость соблюдения социальных норм [Нестик, 2003: 17] и поддержания родственных связей, то есть обеспечения межличностного взаимодействия в семье [Southerton, 2007: 114]. На основании анализа интервью можно выделить четыре вида данного типа времени: время на себя, время родителей, семейное время и индивидуальное детское время. Далее названные времена будут рассмотрены подробнее.

Время на себя

«Время на себя»⁴ или, иначе говоря, индивидуальное время — это возможность заниматься своими делами и увлечениями, свободное время, сокращение которого может связываться как матерями, так и отцами с увеличением количества детей. Информанты говорят о необходимости такого времени, для того чтобы переключиться, перестроиться, отдохнуть от домашних дел, сменить обстановку, провести время без детей.

*«А как только она перестала спать днем, так все. То есть оказалось, что **времени на себя практически нет»** (ж., 44, 3 ребенка).*

И: «А что менялось в Вашей жизни с появлением каждого ребенка?»

Р: «**Время свободного меньше становилось. Все, наверно»** (м., 44 года, 3 ребенка).

*«Он с работы приходил — всегда ему отдавала детей. То есть я ждала: вот он войдет сейчас в половину десятого, я давала ему поесть — дети очень поздно ложились всегда — сбавивала ему детей, все, **я хотя бы час имела свой»** (ж., 39 лет, 3 ребенка).*

⁴ Несмотря на то, что «время на себя» может быть названо индивидуальным, оно было отнесено к межличностному, потому что данный тип времени в рамках жизни семьи необходим для баланса других видов межличностного времени. «Время на себя» в некотором смысле соотносится с категорией «своя жизнь», в которой может осмысляться деторождение. И. В. Забаев с соавторами в книге «Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания» показали, что «своя жизнь» «связана в нарративах респондентов с двумя группами смыслов — необходимостью постоянного собственного развития и с необходимостью обеспечения собственного присутствия в многообразном мире» [Забаев et al. 2012: 83].

Время родителей

Время родителей — это промежутки времени, которое отец с матерью выделяют на общение друг с другом: это может быть как вечерний разговор за чаем, так и созванивание или переписка в течение дня. Возможность обсудить, проговорить какие-то вопросы, поделиться эмоциями, впечатлениями и переживаниями необходима супругам для поддержания эмоционального и темпорального единства, непрерывных теплых, доверительных отношений друг с другом и благоприятного климата в семье.

Р: «Главная традиция, я считаю, что вот у нас, в нашей семье, когда мы положили детей — **у нас наступает свое время**, и мы обычно там пьем чай, разговариваем, смотрим кино. Как бы вот без этого никак нельзя».

И: «А почему?»

Р: «Потому что **жизнь должна состоять не только как бы из труда, она должна еще состоять из каких-то радостей. И вообще, детям нужны счастливые здоровые родители**, а не замученные, которые там по стеночке ходят, и они такие — превращаются в обслуживающий персонал, который обстирывает, мама готовит, обстирывает, ходит, туда-сюда отвозит, и все. В общем, как-то все грустно. **Хочется, чтобы была какая-то любовь, общение**» (м., 37 лет, 7 детей).

Семейное время

Особым видом времени является «*семейное время*», которое отличается от времени родителей тем, что все члены семьи собираются и занимаются какой-либо деятельностью совместно. В качестве таких действий информанты называли просмотр фильмов или диафильмов, подготовку к праздникам, приемы пищи, молитвы, чтение вслух, настольные игры. Наиболее значимы для семьи повторяющиеся способы такого времяпрепровождения, то есть семейные традиции (ритуалы), способствующие формированию чувства семейной совместности [Chelladurai et al., 2018].

«Все мы **идем в храм, приходим, обедаем все вместе**, и кто-то, ну, естественно, кто-то у нас, папа отдыхает немножечко, потому что он сразу тоже, кто-то ходит гулять, кто-то дома, занимается какими-то делами. Обычно вот такие дни выходные, **но вечером соберешься, считаешь книгу вместе**» (ж., 43 года, 9 детей).

Такое времяпрепровождение описывается респондентами как позитивное, хорошее, позволяющее поддерживать контакт с детьми, формирующее традиции, ощущение семейности. При этом «*семейное время*» — это не всегда какая-то особая деятельность и праздники; оно может также возникать и в обычные дни, например, летом, когда все члены семьи, включая родителей информантов, живут на даче или когда дети приходят к родителям вечером что-то обсудить, пообщаться.

«**Надо их собирать**, потому что они не просто сидят ногами болтают, а **пообщаться. Пообщаться, что-то обсудить**, и там в основном, конечно, старшие требуют этого, как более насыщенные, но маленькие тоже участвуют» (м., 41 год, 8 детей).

Индивидуальное детское время

Последний тип межличностного времени — это индивидуальное детское время, которое заключается в том, что родители сфокусированно уделяют внимание

каждому из детей. Такое взаимодействие необходимо для формирования у ребенка понимания того, что родители ему сочувствуют и сопереживают, стараются поддержать, любят его, для установления доверительных отношений между детьми и родителями.

*«Конечно, не хватает, но мы стараемся, мы чувствуем, что детям это нужно — **каждому ребенку в отдельности**, не просто вот сказать: дети, мы вас всех любим. А вот именно к каждому подойти, обнять, поцеловать на ночь, просто два слова сказать — это уже что-то» (м., 37 лет, 7 детей).*

*«Водить их **по отдельности — посвящать ребенку отдельно**. Когда они идут втроем, все равно внимание расплывается. А я беру ребенка после работы, мы с ним едем куда-то, мы берем Третьяковку, определенный зал смотрим, обсуждаем <...>, гуляем, **общаемся наедине**, то есть ребенок получает» (м., 41 год, 8 детей).*

Дискурс о времени в семье: значения планирования

Дискурс о времени отражает, как и что люди говорят о времени. Современный дискурс сфокусирован на проблемах распределения времени между разными сферами деятельности, в частности, между жизнью, семьей и работой [Morgan, 2009; Clark, 2001]. На основании анализа интервью можно утверждать, что планирование, сознательное высвобождение межличностного времени (времени «для себя» и для общения с другими членами семьи) от других занятий (например, от разных видов работы по дому) значим для многодетной семьи.

Под планированием понимается стремление упорядочить свой день, согласовать индивидуальные графики членов семьи. В частности, это проявляется в том, как информанты описывают свой обычный день: они используют такие слова и словосочетания, как «планирование», «тайм-менеджмент». Из этого следует, что продуманная и сознательная организация времени значима для многодетной семьи. В контексте рассматриваемой темы примечателен фрагмент из интервью, в котором мать троих детей (10, 9 и 6 лет) описывает свой день с точки зрения количества поездок для обеспечения посещения детьми школы, кружков и секций.

Р: «Если день описать в прошлом году, в понедельник я его отвезла в музыкальную школу. Это раз. Вдвоем поехали. Потом я поехала одна, забрала Олю, поехала в художественную школу — это два, опять вдвоем мы с ней поехали. Потом оттуда я поехала опять в музыкалку, забрала его, отвела его домой, поехала за ней в художку, отвела ее домой, собрала маленькую, поехала в спортивную школу — два часа там с ней отстояла, приехала обратно».

И: «Это за один день?»

Р: «Да. Это только понедельник, и это только кружки. А если нужно еще... ну, в школу мы не ездим, мы ходим пешком. А если нужно ехать в больницу, если нужно какие-то еще документы ездить собирать. А если это с ними, и еще дела, и это все... Бесплатный или хотя бы льготный проезд — это просто очень-очень-очень. Это вот я не придумываю, я в таком режиме жила. А если, например, его после художки или музыкалки — он еще на атлетику ходил. Я его еще возила на атлетику, а потом с атлетики опять. И плюс туда-сюда забирать его. И она у меня тоже была в музыкальной школе, мы только один год ходили — она не стала там заниматься».

И: «Это спокойный день, если 11 поездок?»

Р: «Ну да, более-менее еще. Скажем так, рядовой. Спокойный — это когда кого-нибудь два раза только отведешь» (ж., 37 лет, 3 ребенка).

Другая женщина, работающая в режиме полной занятости, рассказывала, как она «отлаживает логистические процессы» (ж., 38 лет, 3 ребенка), то есть составляет расписание, содержащее информацию о видах деятельности детей (дорога в школу, обучение, посещение кружков и секций) с привязкой ко времени. Наличие такого фиксированного графика позволяет ей «контролировать бизнес-процесс»: обеспечивать посещение детьми занятий, синхронизировать действия членов семьи. Следует отметить, что подобная логика наблюдается как в религиозных, так и нерелигиозных семьях. Например, отец шести детей, священник, также говорит о полезности «тайм-менеджмента», поскольку составление плана, графика позволяет обеспечить регулярность, повторяемость, методичность действий.

«Тайм-менеджмент. Пользоваться ежедневником. Я советую это по своему собственному опыту прихожанам. Когда они говорят про то, что вот я мало... Раз за разом, исповедь за исповедью, человек приходит и пишет о том, что каюсь, мол, мало времени уделяю родителям, или мало времени уделяю детям. Или ну ты пишешь-пишешь. А вот мы говорили о том, что **методичность должна быть, да. Какая методика — ты продумал бизнес-план, ты продумал план, как ты будешь это менять, методику, способ, технологию.** Как ты это изменишь. Потому что одного вздыхания мало» (м., 60 лет, 6 детей).

Также планирование проявляется в вопросе о количестве детей в семье: решение «остановиться» может быть объяснено не только материальными или медицинскими ограничениями, но также временными. Последние могут быть выражены в оценке соотношения возраста родителей и необходимости «поставить на ноги» имеющихся детей.

«Ну, у нас трое. Пока хватит. Ну уже, на самом деле, **времени мало для нас**, поэтому я думаю, что на этом мы остановимся. Потому что надо и этих на ноги поставить умудриться, воспитать, вырастить. Чтoб людьми были» (м., 44 года, 3 ребенка).

С учетом вышесказанного можно выделить следующие функции и значения расписаний в семье:

1. Высвобождение межличностного времени. Расписание позволяет встраивать в режим дня «вещи для души»: иными словами, тайм-менеджмент необходим не для внедрения в жизнь семьи ресурсной логики, но, наоборот, для высвобождения времени для интересных занятий, общения.

Р: «В общем, режим дня это для многодетной семьи, на мой взгляд, очень помогает».

И: «Чтобы упорядочено все было?»

Р: «Да. Когда ты знаешь, где, когда, что, и когда, не думаешь каждый раз “ой, что сейчас? Это забыла, то не сделала, ой, а вот вспомнила”. Другое дело, когда ты просто как дятел по часам: сделал то, сделал это, сделал пятое, десятое. Вот даже те вещи, которые, казалось бы, вот **вкладывание, там, души, какая-то там отдача... почитать книгу, поговорить по душам. Оказывается, что когда ты встраиваешь это в режим дня, хотя бы ты это делаешь**, а не думаешь “ой, у меня горит в это время, а бежать на кружок”. Получается, что даже такие вещи лучше предусматривать, чем делать спонтанно. Хотя от спонтанности не уберешься все равно (смеется)» (ж., 44 года, 3 ребенка).

2. **Здоровье детей.** Кроме того, важность повторяемости и регулярности действий при воспитании детей описывается также в контексте здоровья:

«Режим важен, потому что они должны быть здоровыми. Режим — это основа.

Здоровое питание, режим, закаливание — вот такие основные направления здоровья. И психологический климат, конечно, тоже» (ж., 43 года, 3 ребенка).

3. **Воспитание детей.** Посещая занятия, секции с фиксированным графиком, дети привыкают к дисциплине, учатся работать, понимать, что «*праздный образ жизни в наше время не вариант*» (ж., 43 года, 3 ребенка).

Р: «По секциям? Ну, как-то развитие, ведь, все равно же общение».

И: «А почему это развитие важно?»

Р: «Важно? Развитие?»

И: «Да».

Р: «Дисциплинирует. Время мало свободного».

И: «А дисциплина почему так важна?»

Р: «*Послушание, порядок*, чтоб был, чтобы знали точно, что как должно пройти» (ж., 43 года, 9 детей).

Несмотря на то, что информанты оперируют терминами, близкими к экономической логике, за ними скрывается другое содержание: речь идет не о повышении эффективности семьи как домохозяйства, но о способе выстраивания заботы о детях, их воспитании, образовании и здоровье, о согласовании интересов членов семьи и высвобождении межличностного времени. Кроме того, изменение темпоральности семьи связано не только с изменением организации времени, но и с появлением новых значений времени. Например, к существующему «времени на себя» добавляется «время для детей», возникает не только «дефицит времени» и постоянная большая нагрузка по воспитанию детей, но и положительные, радостные события.

Р: «Что поменялось с рождением первого ребенка — это **ощущение нового счастья, оно как бы счастье непостоянно, оно периодически приходится, и вот в какие-то моменты ощущаешь**, что раньше такого не было, то есть как бы по-новому себя ощущаешь и как бы по-новому счастлив. <...> **Это бывает как бы в минуты успокоения, и когда все хорошо, в общем-то, никто не болеет, тогда ты чувствуешь, что как-то счастлив. Глобально**» (м., 40 лет, 3 ребенка).

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что время в семье — это не только расходование калькулируемого количества часов на какой-либо вид деятельности, но и носитель совокупности смыслов, значений. Несмотря на то, что информанты, говоря о времени, оперируют лексикой ресурсной логики, они вкладывают в нее более широкий смысл. Так, планирование в семейной жизни нужно не только для того, чтобы «успеть сделать больше» (doing more) [Southerton, 2007: 113]; оно также является инструментом высвобождения межличностного времени для семейного общения и других занятий «для души». Следует отметить, что в контексте времени основное различие религиозных и нерелигиозных информантов проявляется в контексте институционального времени и заключается в том, что у первых «уклад жизни», помимо графика работы родителей и режимов

образовательных учреждений, задается также религиозными предписаниями и их регулярным исполнением. Для остальных типов времени дифференциаций в зависимости от религиозности выявлено не было.

Описанные свойства и значения разных типов времени позволяют говорить о множественности времени в семье, создаваемой за счет темпоральной укорененности, то есть необходимости существования определенной организации времени, задаваемой как внешними (общественные институты, социальные нормы), так и внутренними (представления и воззрения родителей) рамками. Ключевое отличие от ресурсной логики заключается в том, что семейная жизнь и время в семье является не только периодом тяжелого труда и постоянной нехватки времени, но также счастьем, источником позитивных эмоций, возможностью осмысления действительности в возвышенных категориях («смысл жизни», «вечность»).

Помещение в центр анализа вопроса о значении времени в семье позволяет сместить фокус с распределения ресурсов, говорить не о бюджете домохозяйства, но о внутрисемейных процессах. Полученные результаты могут быть полезны при разработке мер социальной поддержки семей с детьми. В частности, они позволяют сформулировать гипотезу о том, что для семей с несколькими детьми значимой формой помощи могут оказаться инструменты поддержки, способствующие высвобождению межличностного времени (времени для общения, интересных дел и занятий) от дел «по сопровождению».

В дальнейшем можно предпринять попытку изучения данной темы с использованием инструментария, сфокусированного на вопросах о значениях времени. Кроме того, анализ может быть расширен за счет рассмотрения «парных» случаев, то есть интервью с обоими супругами в семье, а также фокусирования на временных различиях в зависимости от типа населенного пункта (сельские семьи в рамках данной работы не анализировались). Еще одной возможной стратегией развития обозначенного вопроса представляется проведение лонгитюдного исследования с целью выявления изменений в темпоральной организации жизни семей.

Список литературы

Артёмов В. А. К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 141—149.

Artyomov V. A. (2003) The history of time budgets studies' emergence. *Sociological Studies*. No. 5. P. 141—149. (In Russ.)

Артёмов В. А. Социологические аспекты времени в отечественных научных работах 1920—1930-х гг. // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 124—136.

Artyomov V. A. (2007) Sociological aspects of time in domestic scientific works of 1920—1930s. *Sociological journal*. No. 3. P. 124—136. (In Russ.)

Артёмов В. А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 3—9.

Artyomov V. A. (2013) A sketch of the sociological concept of social time. *Sociological Studies*. No. 11. P. 3—9. (In Russ.)

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере: принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. Т. 9. № 4. С. 65—102.

Barsukova S. Y., Radaev V. V. (2000) The legend of gender: principles of labor distribution between spouses in modern urban family. *Universe of Russia*. Vol. 9. No. 4. P. 65—102. (In Russ.)

Беккер Г. Эволюция семьи. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. Перевод с английского. М. : ГУ ВШЭ, 2003.

Becker G. (2003) Family Evolution. Selected Works on Economic Theory. Human behavior. Economical approach. Translation from English. Moscow. SU HSE. (In Russ.)

Борисова О. Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 260—283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13.

Borisova O. N. (2017) Father's involvement: individual and cross-country differences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No 6. P. 260—283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13. (In Russ.)

Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. Киев : Изд. Центр учебной литературы, 2011.

Bryson V. (2011) Gender and the politics of time. Feminist theory and contemporary debates. Kiev, ed. Center of educational literature. (In Russ.)

Гершуни Дж. Экономическая социология: либеральные рынки, социальная демократия и использование времени // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 73—82.

Gershuni J. (2000) Economic sociology: Liberal Markets, Social Democracy and the Use of Time. *Economic Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 73—82. (In Russ.)

Забаев И. В., прот. Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания. М. : ПСТГУ, 2012.

Zabaev I., Prot. N. Emelyanov, Pavlenko E., Pavlyutkin I. (2012) Family and Childbearing in Russia. Categories of Parental Mind. Moscow: PSTGU. (In Russ.)

Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 58—72.

Zelizer V. (2002) Making Multiple Money. *Economic Sociology*. Vol. 3. No. 4. P. 58—72. (In Russ.)

Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие единицы / пер. с англ. А. В. Смирнова и М. С. Добряковой ; науч. ред. В. В. Радаева. М. : Дом интеллектуальной книги : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.

Zelizer V. (2004) The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies. Translators from English A. V. Smirnov and M. S. Dobryakova. Ed. by V. V. Radaev. Moscow: House of intellectual books; Publishing House of the State University Higher School of Economics. (In Russ.)

Ибрагимова Д. Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 2. С. 116—145.

Ibragimova D. (2016) Money, Gender, and Power in Households: Conceptual Approaches. *Economic Sociology*. Vol. 17. No. 2. P. 116—145. (In Russ.)

Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. No 6. С. 69—88.

Isupova O. G., Utkina V. V. (2016) Women in the civil service in Russia: career, family, reproductive intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No 6. P. 69—88. (In Russ.)

Малкова М. А., Рощина Я. М. Домашний труд в современной российской семье: типологический анализ. Препринт WP15/2010/02. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

Malkova M. A., Roshchina Y. M. (2010) Domestic work in the modern Russian family: a typological analysis. Preprint WP15/2010/02. Moscow: House of the Higher School of Economics. (In Russ.)

Малкова М. А., Рощина Я. М. Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России: Социология, этнология. 2011. Т. 20. № 1. С. 147—166.

Malkova M. A., Roshchina Y. M. (2011). A Typological Analysis of House Work in the Modern Russian Family. *Universe of Russia*. 20(1). P. 147—166. (In Russ.)

Маркин К. В. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 274—290. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>.

Markin K. V. (2018) Between belief and unbelief: non-practicing Orthodox Christians in the context of the Russian sociology of religion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 274—290. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>. (In Russ.)

Мелкумян Е. Б. Годичные циклы православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 261—273. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.15>.

Melkumyan E. B. (2018) Annual cycles of the Orthodox believers participating in the blessing of Easter food. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. No.2. P. 261—273. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.15>.

Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12—21.

Nestik T. A. (2003) Social construction of time. *Sociological Studies*. No. 8. P. 12—21. (In Russ.)

Патрушев В. Д. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 452—471.

Patrushev V. D. (1998) Time budgets of various social groups and territorial communities. *Sociology in Russia*. Ed. V. A. Yadov. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. P. 452—471. (In Russ.)

Патрушев В. Д., Артёмов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 112—120.

Patrushev V. D., Artyomov V. A., Novokhatskaya O. V. (2001) The time budgets studies in Russia in XX century. *Sociological Studies*. No. 6. P. 112—120. (In Russ.)

Прокофьева Л., Куприянова Е. География многодетности // Демоскоп Weekly. 2009. № 373—374. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php> (дата обращения 25.04.2019).

Prokofieva L., Kupriyanova E. (2009) Geography of large families. *Demoscope Weekly*. No. 373—374. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php> (Accessed 25.04.2019) (In Russ.)

Сон Х. И., Чернова Ж. В. Мобильные устройства как способ установления баланса между работой и личной жизнью: оборотная сторона // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 201—215. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.10>.

Son H. I., Chernova Z. V. (2018) Mobile devices as a tool for establishing work — life balance: the downside. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 201—215. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.10>. (In Russ.)

Сорокин П. А., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования / пер. с англ. Н. В. Романовского. 2004. № 6. С. 112—119.

Sorokin P., Merton R. (2004). Social Time: A Methodological and Functional Analysis. *Sociological studies*. Transl. from English by N. V. Romanovsky. No. 6. P. 112—119. (In Russ.)

Adam B. (1990) *Time and Social Theory*. Cambridge: Polity. P. 200.

Addabbo T., Caiumi A., Maccagnan A. (2012) The Allocation of Time within Italian Couples: Exploring its Unequal Gender Distribution and the Effect of Childcare Services. *Annals of Economics and Statistics*. No 105/106. P. 209—227. <https://doi.org/10.2307/23646462>.

Balkenhol M. (2012) Introduction: Time. *Etnofoor*. Vol. 24. No 1. P. 7—11. URL: <http://www.jstor.org/stable/23217868>.

Barker D. K. (1999) Gender. In: *The Elgar companion to feminist economics*. Ed. by Janice Peterson, Margaret Lewis.

Bear L. (2016) Time as Technique. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 45. P. 487—502.

Bear L. (2014) Doubt, conflict, mediation: the anthropology of modern time. *Journal of The Royal Anthropological Institute*. Vol. 20. P. 3—30. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12091>.

Becker G. A. (1965) Theory of the Allocation of Time. *The Economic Journal*. No. 75 (299). P. 493—517. <https://doi.org/10.2307/2228949>.

- Bossard J. H. S. (1945) The Law of Family Interaction. *American Journal of Sociology*. Vol. 50. No 4. P. 292—294.
- Chelladurai J. M., Dollahite D. C., Marks L. D. (2018). The family that prays together: Relational processes associated with regular family prayer. *Journal of Family Psychology*. No. 32(7). P. 849—859. <https://doi.org/10.1037/fam0000432>.
- Clark S. C. (2001) Work Cultures and Work/Family Balance. *Journal of Vocational Behavior*. No. 58. P. 348—365. <https://doi.org/10.1006/jvbe.2000.1759>.
- Daly K. (1996) Spending Time with the Kids: Meanings of Family Time for Fathers. *Family Relations*. Vol. 45. No. 4. P. 466—476. <https://doi.org/10.2307/585177>.
- Fine G. (1996) *Kitchens: The Culture of Restaurant Work*. Berkeley: University of California Press.
- Hallpike C. R. (2011) The anthropology of time in On Primitive Society, and Other Forbidden Topics. Author House. P. 328—351
- Hareven T. (1977) Family Time and Historical Time. *Daedalus*. No. 106(2). P. 57—70.
- Hunt J., Kiker B. (1981) The Effect of Fertility on the Time Use of Working Wives. *Journal of Consumer Research*. No. 7(4).
- Lehrer E. (1996) Religion as a Determinant of Marital Fertility. *Journal of Population Economics*. Vol. 9. No. 2. P. 173—196.
- Lewis J. D., Weigert A. J. (1981) The Structures and Meanings of Social Time. *Social Forces*. Vol. 60. No. 2. P. 432—462. <https://doi.org/10.1093/sf/60.2.432>.
- Maher J., Lindsay J., Franzway S. (2008) Time, caring labour and social policy: understanding the family time economy in contemporary families. *Work, Employment & Society*. Vol. 22. No. 3. P. 547—558. <https://doi.org/10.1177/0950017008095105>.
- Morgan K. (2009) The religious foundations of work-family policies in Western Europe. In: Religion, Class Coalitions, and Welfare States. Ed. by Kees van Kersbergen, Philip Manow. P. 56—90. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511626784.004>.
- Mosher W., Hendershot G. (1984) Religion and Fertility: A Replication. *Demography*. Vol. 21. No. 2. P. 185—191. <https://doi.org/10.2307/2061038>.
- Schultz T. (1986) The Value and Allocation of Time in High-Income Countries: Implications for Fertility. *Population and Development Review*. No. 12. P. 87—108. <https://doi.org/10.2307/2807895>.
- Southerton D. (2006) Analysing the temporal organization of daily life: social constraints, practices and their allocation. *Sociology*. No. 3. <https://doi.org/10.1177/0038038506063668>.
- Southerton D. (2007) Time pressure, technology and gender: the conditioning of temporal experiences in the UK. *Equal Opportunities International*. Vol. 26 No. 2. P. 113—128. <https://doi.org/10.1108/02610150710732195>.
- Westoff C. F., Jones E. F. (1979) The End of 'Catholic' Fertility. *Demography*. No. 2.

Приложение. Характеристики респондентов

№	Пол	Возраст	Число детей	Город	Образование (специальность)	Религиозность	Брак	Длительность записи (мин)
1	м	37	7	Москва	2 высших (музыкальное)	Религиозный	1й	120
2	м	32	3	Владимир	Среднее специальное	Религиозный	1й	67
3	м	41	8	Москва	Высшее	Религиозный	1й	75
4	м	60	6	Архангельск	Высшее (медицинское; священник)	Религиозный	1й	117
5	м	44	5	Архангельск	Высшее	Религиозный	2й	77
6	ж	40	5	Архангельск	Среднее специальное	Религиозная	1й	65
7	ж	38	9	Москва	Высшее, кандидат наук	Религиозная	1й	200
8	ж	43	9	Архангельск	Среднее специальное (портная)	Религиозная	1й	50
9	ж	37	3	Владимир	Высшее (педагогическое)	Религиозная	2й	60
10	ж	47	5	Архангельск	Высшее (педагогическое)	Религиозная	1й	110
11	м	44	3	Москва	Высшее (техническое)	Нерелигиозный	1й	45
12	м	40	3	Москва	Высшее (техническое)	Нерелигиозный	1й	76
13	ж	34	4	Владимир	Высшее (дизайнер)	Нерелигиозная	1й	80
14	ж	39	3	Москва	Высшее (психолог)	Нерелигиозная	1й	141
15	ж	38	3	Москва	3 высших образования: педагогическое, управление персоналом, MBA)	Нерелигиозная	2й	86
16	ж	43	3	Москва	Высшее (техническое)	Нерелигиозная	2й	71
17	ж	44	3	Москва	Высшее, кандидат наук	Нерелигиозная	1й	103